

1 р. 71 р
Г 59

А. Г. Гойхбаргъ.

ЕДИНОЕ ПОНЯТІЕ СТРАХОВОГО ДОГОВОРА.

(Вступительная лекція въ курсу страхового права,
прочитанная въ Институтѣ Высшихъ Коммерче-
скихъ Званій).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Больш. Подъяч., 39.

1914.

200201

СП6Гу

I.

Предметъ моихъ чтеній составитъ добровольное договорное страхованіе или, вѣрнѣе, юридическія нормы, регулирующія договоръ страхованія. И начну я съ выясненія вопроса о томъ, можно ли говорить объ общемъ страховомъ договорѣ, обнимающемъ всѣ виды частнаго страхованія, существуетъ ли единое юридическое понятіе страхованія. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому вопросу, считаю нужнымъ, въ особенности, въ виду отрицанія нѣкоторыми юристами за договоромъ страхованія жизни характера страхового договора, нѣсколькими цифрами иллюстрировать то огромное значеніе, какое приобрѣло въ современной жизни какъ нашей родины, такъ и, въ особенности, зарубежныхъ странъ именно страхованіе жизни, какъ все больше и больше въ немъ проявляется идея взаимопомощи, несмотря на внѣшнюю меркантильную, акціонерную форму предпріятій, занимающихся страхованіемъ, какія громадныя массы населенія вовлечены въ страхованіе и какъ постепенно именно эти массы, а не акціонеры страховыхъ обществъ, становятся, въ сущности, съ точки зрѣнія экономической, а отчасти, въ чемъ мы убѣдимся впослѣдствіи, и юридической, хозяевами огромныхъ богатствъ, накопленныхъ въ страховыхъ обществахъ

въ видѣ резервовъ премій, резервовъ прибылей и т. п.

Такъ, напр., въ Германіи въ 1912 г. было застраховано болѣе 12 милліоновъ челоѣкъ на сумму свыше 15 милліардовъ (15.407.621.000 м.). Резервы премій, т. е. въ сущности капиталъ, принадлежащій страхователямъ, а не обществамъ, былъ нѣсколько ниже 5 милліардовъ (4.714.806,283) марокъ, въ то время какъ весь уплоченный капиталъ всѣхъ акціонерныхъ страховыхъ обществъ равнялся приблизительно 43 милліонамъ марокъ, т. е. составлялъ менѣе 1 проц. резерва премій и около $\frac{1}{4}$ проц. застрахованной суммы. Изъ чистой прибыли всѣхъ обществъ было отчислено дивиденда въ пользу акціонеровъ 4.600.000 марокъ, а въ пользу страхователей болѣе 157 милліоновъ марокъ. Въ томъ же году въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось страхованія жизни на сумму свыше 38 милліардовъ рублей (19.218.263.143 доллара) съ резервами премій около 9 милліардовъ рублей (4.404.744.039 долл.). При этомъ, напр., въ акціонерномъ страховомъ обществѣ «Эквитеблъ» въ 1910 г. акціонерамъ было выдано дивиденда нѣсколько меньше 14.000 руб., а страхователямъ болѣе 20 милліоновъ руб. наличными и отчислено въ фондъ страховательскихъ дивидендовъ болѣе 12 милліоновъ рублей. Въ одномъ англійскомъ акціонерномъ обществѣ страхованія жизни (Gresham) имѣлось въ 1911 г. резервовъ премій на сумму свыше 100.000.000 рублей (10.247.685 фунт. ст.), въ то время, какъ уплоченный акціонерный капиталъ этого общества равнялся ничтожной суммѣ въ 223 тысячи руб. (22.378 ф. ст.), т. е. составлялъ около $\frac{1}{5}$ проц. резервовъ премій. Наша родина не можетъ еще похвалиться особымъ развитіемъ опе-

рацій страхування життя, но и у насъ въ 1912 г. насчитывалось страхуваній жизни на сумму около миллиарда рублей, причеъ въ крупнейшемъ акціонерномъ обществѣ «Россія» въ 1911 году при 4.000.000 акціонернаго капитала накоплено было резервовъ премій болѣе 68 милліоновъ руб., и наряду съ дивидендомъ акціонеровъ въ 608 тыс. руб. въ дивидендъ страхователямъ было отчислено болѣе 466 тысячъ руб., а резервъ дивидендовъ страхователей превысилъ 1½ милліона рублей. Въ другомъ же обществѣ «Жизнь», занимающемся исключительно страхуваніемъ жизни при одномъ милліонѣ руб. акціонернаго капитала резервъ премій превышалъ 38 милліоновъ рублей, а страховая сумма — 135 милліоновъ руб., причеъ наряду съ дивидендомъ акціонеровъ въ 125 тыс. руб. въ дивидендъ страхователей было отчислено около 163 тыс. руб.

Эти поражающія воображеніе цифры свидѣлствуютъ о колоссальномъ значеніи страхуванія для огромныхъ частей населенія. Но не столько статика, сколько динамика этихъ цифръ могла бы освѣтить намъ любопытныя картины того, какъ сущность страхуванія начинаетъ перерастать его формы и разрывать эти формы; какъ, такъ называемый, страховой коллективъ все болѣе и болѣе растетъ и численно и по своему экономическому вѣсу, но продолжаетъ оставаться за сценою и права его далеко не соотвѣтствуютъ его экономической роли и значенію; какъ, такъ называемое, страховое поле безбрежно раскинулось до самаго горизонта и на немъ только гдѣ то вдали копошатся мало замѣтныя фигурки акціонеровъ, которымъ, однако, существующія законодательства предоставляютъ правомочія, значительно превышающія ихъ значеніе для стра-

хového дѣла. И передъ юристомъ, наблюдающимъ эту картину, вырисовывается задача, задача трудная, но благодарная и славная, найти или, вѣрнѣе, подмѣтить юридическія нормы, вполне соответствующія этимъ новымъ явленіямъ жизни. Тѣмъ болѣе возникаетъ эта задача передъ нашими юристами, такъ какъ мы находимся наканунѣ изданія новаго обязательственнаго права, проектъ котораго довольно подробно регулируетъ и страховое право.

II.

Послѣ этихъ краткихъ предварительныхъ замѣчаній возвращаюсь къ вопросу о томъ, можно ли дать единое опредѣленіе договора страхования. Новѣйшіе современные законы о страховомъ договорѣ— германскій и швейцарскій 1908 г.— отказываются дать такое опредѣленіе. Къ нимъ примыкаетъ и проектъ австрійскаго закона. Наоборотъ, во французскомъ и нашемъ проектахъ содержатся опредѣленія; въ нашемъ послѣднемъ проектѣ, внесенномъ въ государственную думу,— даже два различныхъ и отдѣльныхъ опредѣленія договора страхования имущества и договора личнаго страхования. Но, если необходимо строгательно отнестись къ включенію опредѣленія въ текстъ закона, такъ какъ не дѣло законодателя канонизировать, такъ сказать, спорныя теоретическія положенія, и если, поэтому, необходимо вполне одобрить точку зрѣнія германскаго и швейцарскаго законодателей, отказавшихся дать единое опредѣленіе страхового договора,— то наукѣ совершенно не слѣдуетъ отказываться отъ нахождения общихъ началъ и подведенія подъ эти начала жизненныхъ явленій, съ перваго взгляда кажущихся совершенно несходными и даже противоположными;

вѣдь, въ этомъ то и заключается главная задача науки.

Центральнымъ пунктомъ споровъ, споровъ очень старыхъ, но продолжающихся еще и понынѣ, является вопросъ о томъ, представляютъ ли собою страхование убытковъ и страхование лицъ два вида одного общаго рода, или же наоборотъ, только одно изъ этого рода страхованій представляется страхованиемъ подлиннымъ, истиннымъ, настоящимъ, въ то время какъ другой видъ страхованія носить такое наименованіе только на языкѣ обывательскомъ, только потому, что случайно одни и тѣ же предпріятія занимаются операціями обоого вида. И еще не такъ давно въ наукѣ господствовало мнѣніе, что терминомъ страхование по праву можетъ пользоваться только страхование убытковъ,—теорія возмѣщенія убытковъ (Schadensersatztheorie). Поэтому страхование лицъ одними (Лабандъ, Гиврихсъ, Тель, Кэно, Рефусъ) совершенно не признавалось страхованиемъ, въ договорѣ страхованія лица авторы эти видѣли либо особый, модифицированный договоръ займа, либо договоръ сбереженія и т. д. Другіе (Гольдшмидтъ, Эренбергъ, Левисъ, Алоэ, Аданъ и др.) въ похвальномъ стремленіи подвести подъ понятіе договора страхованія также и договоры страхованія лицъ тратили немало остроумія и прибѣгали ко всевозможнымъ ухищреніямъ и натяжкамъ, чтобы доказать, что и договоръ страхованія лица есть также договоръ о возмѣщеніи убытковъ, только своеобразный или особо модифицированный ¹⁾. Какія опасности для всего развитія

1) Стоитъ для этого прочесть остроумнѣйшія соображенія Эренберга въ журналѣ „Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht“, т. XXXII и XXXIII, о

страхового дѣла можетъ повлечь за собою усвоение послѣдняго взгляда, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ теченіе первой половины прошлаго столѣтія, англійская судебная практика находилась подъ вліяніемъ взгляда, аналогичнаго только что отмѣченному. Начало этой практикѣ было положено рѣшеніемъ по дѣлу Godsall v. Bolero (1806 г.), въ которомъ разбирался слѣдующій любопытный случай. Одинъ изъ кредиторовъ извѣстнаго англійскаго государственнаго дѣятеля Вильяма Питта застраховалъ его жизнь. Но послѣ смерти Питта англійскій парламентъ, въ воздаяніе выдающихся заслугъ его передъ родиной, постановилъ уплатить изъ средствъ казны всѣ долги его. И вотъ поэтому страхователю было отказано судомъ въ искѣ страховой суммы подъ предлогомъ, что онъ не потерпѣлъ никакого убытка. Но общество, добившееся этого рѣшенія, возбудило противъ себя всеобщее недовѣріе и должно было ликвидироваться. И такое отношеніе къ этому обществу необходимо признать вполне правильнымъ, такъ какъ оно, взявъ съ математической точностью установленную сообразно страховой суммѣ премию, не въ правѣ, по справедливому замѣчанію итальянскаго профессора Виванте (*Allgemeine Theorie des Versicherungsvertrages, Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht*, т. XXXIX, стр. 469), отказаться отъ исполненія своего обязательства по причинамъ, лежащимъ внѣ договора и не принятымъ во вниманіе при исчисленіи размѣра

возмѣщенія убытковъ, происшедшихъ отъ прекращенія способности дѣлать дальнѣйшія сбереженія, соображенія, которыя онъ самъ впоследствии назвалъ „насилъственной и по существу неюридической попыткой опредѣленія“ (*Versicherungsllexikon Манеса*, 1909 г., стр. 211).

премін. Правда, и самая англійская судебная практика въ 1854 г. отказалась отъ этого взгляда (рѣш. Exchequer Chambre 1854 г.), и въ настоящее время въ Англии господствуетъ мнѣніе, что договоръ страхованія жизни является договоромъ о безусловной уплатѣ опредѣленной суммы по случаю смерти и не имѣетъ ничего общаго съ договоромъ о возмѣщеніи убытковъ/ (that the contract of life insurance is merely a contract to pay a given sum at death, and has nothing in common with a contract of indemnity).

Ученые, ставившіе альтернативу: страхованіе лица либо должно быть подведено подъ страхованіе убытковъ, либо не можетъ быть вовсе признано страхованіемъ,—совершали крупную методологическую и логическую ошибку. /Вмѣсто того, чтобы, детально разобравъ составные элементы отдѣльных видовъ страхованія, отыскать въ нихъ черты, общія имъ всѣмъ, они избрали предметомъ своего детального изслѣдованія и критеріемъ для сравненія отдѣльный видъ страхованія, страхованіе убытковъ,—и все, что не подходило подъ страхованіе убытковъ, отменялось изъ области страхованія въ собственномъ смыслѣ. Основанія этой логической ошибки лежали, однако, глубже, а именно, въ отсутствіи надлежащаго историческаго взгляда на вещи, въ отсутствіи правильной исторической перспективы. То обстоятельство, что ранѣе другихъ развившіеся виды страхованія, морское страхованіе—*эта mater assecurationum*—и страхованіе отъ огня, носили характеръ страхованія убытковъ, историческій приоритетъ страхованія убытковъ они возвели въ логическую сущность самаго института./ При этомъ, названные авторы почти совершенно упускали изъ виду то обстоятельство, что расширеніе за послѣднія два столѣтія сферы

примѣненія страхованія обусловливало измѣненіе экономическихъ задачъ нашего института и, въ свою очередь, обусловливалось этими новыми экономическими задачами.

III.

Еще болѣе 20 лѣтъ тому назадъ противъ этого апіорнаго отождествленія страхованія вообще со страхованіемъ убытковъ талантливо выступилъ Геккеръ въ своей превосходной, но, къ сожалѣнію, незаконченной работѣ «Zur Lehre von der rechtlichen Natur der Versicherungsverträge» (1892 г.). Онъ доказывалъ крайнюю неправильность вытекающей изъ этого апіорнаго отождествленія альтернативы: либо исключить изъ области страховыхъ договоровъ цѣлый рядъ сдѣлокъ хозяйственной предусмотрительности и заботы о будущемъ, либо же насильственно подводить ихъ подъ договоры страхованія убытковъ. Тѣмъ не менѣе, и по сіе время этотъ ложный взглядъ не можетъ считаться устраненнымъ. Правда, въ настоящее время рѣдко кто позволяетъ себѣ совершенно исключать изъ области сдѣлокъ по страхованію договоры личнаго страхованія. Но зато тѣмъ прочнѣе держатся другой части альтернативы, указывая, что и договоры личнаго страхованія по существу направлены къ покрытію имущественнаго вреда, причиненнаго событіемъ, отъ котораго лицо застраховано. При этомъ характеръ этого вреда весьма разнообразенъ. Такихъ вредомъ признають то необходимость произвести извѣстныя затраты, то утрату способности пріобрѣтать имущество или утрату источника содержанія самимъ застрахованнымъ или его близкими, то даже просто недостиженіе предназначенной цѣли — сберечь опредѣленныя суммы.

Но стремление подвести страхование лица под страхование убытков приводит къ недопустимымъ затыжкамъ, къ простой игрѣ словами и совершенно закрываетъ глаза на цѣлый рядъ явленій, абсолютно несогласуемыхъ съ такимъ взглядомъ на страхование лица. Еще очень давно Эндеманнъ (Zeitschr. für das gesamte Handelsrecht, т. X, стр. 279) выразился, что трудно не писать сатиры (*difficile est satiram non scribere*) на тѣхъ, кто въ убыткахъ видитъ предметъ страхования лица. Въ самомъ дѣлѣ, при имущественномъ страхованіи цѣль возмѣщенія убытковъ составляетъ юридическое основаніе (*causa*) договора. Страхователь уплачиваетъ премію, чтобы получить возмѣщеніе убытковъ, а страховщикъ принимаетъ на себя обязательство убытки эти возмѣстить. Премія вычисляется сообразно съ вѣроятностью убытковъ, и хотя въ полицѣ указана страховая сумма, но страховщикъ обязанъ возмѣстить страхователю только дѣйствительно понесенные послѣднимъ и, по общему правилу, доказанные имъ убытки, такъ какъ, если отпадаетъ юридическое основаніе договора, то тѣмъ самымъ прекращается и дѣйствіе самого договора. Если вещь была застрахована свыше дѣйствительной стоимости, то страхование по отношенію къ этому излишку сторнируется ¹⁾; если вещь повреждена виновными дѣйствіями постороннихъ лицъ, то страхователь обязанъ уступить страховщику все свои притязанія къ этимъ лицамъ, такъ какъ одни и тѣ же убытки не подлежатъ многократному возмѣщенію. Совершенно иныя по-

¹⁾ Отмѣтимъ, что по германскому закону (§ 57) подлежитъ уплатѣ вся условленная сумма, развѣ бы она значительно превышала дѣйствительную стоимость вещи; въ противоположномъ смыслѣ швейц. законъ (ст. 65).

слѣдствія имѣютъ мѣсто при страхованіи лица. Страховщикъ обязывается уплатить сумму, определенную заранее пропорціонально взимаемой имъ преміи. Онъ становится должникомъ не потому, что кредиторъ потерпѣлъ убытки, а потому, что онъ получилъ отъ него премію. Страховую сумму онъ уплачиваетъ, не требуя никакихъ доказательствъ понесенныхъ убытковъ; онъ уплачиваетъ ее во всякомъ случаѣ, хотя бы выгодопріобрѣтатель уже получилъ извѣстныя страховыя суммы у иныхъ страховщиковъ, хотя бы ему уже были возмѣщены виновными понесенные имъ убытки, хотя бы даже было доказано, что никакихъ убытковъ онъ не понесъ. Вѣдь застрахованный можетъ продать свой полисъ совершенно чужому человѣку; вѣдь, какъ мы уже видѣли выше, англійская судебная практика, а за нею и французская (касс. рѣш. 19 янв. 1881 г.) и американская признаютъ, и признаютъ вполне правильно, что кредиторъ, застравовавшій жизнь своего должника, получаетъ страховую сумму, хотя бы онъ и изъ другихъ источниковъ получилъ сполна удовлетвореніе по своему требованію. И кто захотѣлъ бы выразить сочувствіе этимъ «пострадавшимъ» лицамъ, тотъ, по выраженію Виванте ¹⁾, изумился бы веселому настроенію этихъ несчастныхъ, нуждавшихся, по его мнѣнію, въ утѣшеніи.

Видѣть же, какъ это дѣлаютъ многіе авторы, подводящіе страхованіе жизни подъ страхованіе убытковъ, возможность убытковъ въ одномъ томъ, что страхователь по причинѣ преждевременной смерти лишается возможности изъ своихъ сбереженій скопить

¹⁾ Цит. соч., стр. 466.

опредѣленную страховую сумму ¹⁾, это значить, по вполне справедливому мнѣнію вѣнскаго профессора Гупки ²⁾, перевернуть вверх ногами (*geradezu auf den Kopf stellen*) самое понятіе убытковъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, результатъ накопленія зависитъ не только и не столько отъ охоты и способности копить, сколько отъ періода времени, въ теченіе котораго накопленіе будетъ непрерывно совершаться, т. е. отъ срока человѣческой жизни. А разъ этотъ срокъ неизвѣстенъ и представляется весьма неопредѣленнымъ, то ожиданіе такого результата никоимъ образомъ нельзя считать дѣйствительной и основательной надеждой на извѣстнаго приобрѣтенія, а недостиженіе этого результата отнюдь не подойдетъ подъ понятіе убытковъ (*lucrum cessans*). Съ одинаковымъ правомъ можно было бы говорить объ убыткахъ, объ ускользнувшей прибыли, о *lucrum cessans* и въ томъ случаѣ, когда на нашъ билетъ не пало выигрыша или когда вообще мыслимая прибыль нами не получена.

На первый взглядъ можетъ показаться, что, по крайней мѣрѣ, страхованіе чужой жизни имѣетъ своей цѣлью возмѣщеніе убытковъ, такъ какъ обычно требуется наличность интереса страхователя въ продолженіи жизни застрахованнаго лица (см., напр., ст. 1072 проекта обязательственнаго права, внесеннаго въ госуд. думу). Но это только на первый взглядъ. Указанное требованіе объясняется исто-

¹⁾ См. напр., опредѣленіе Бродмана въ *Leipziger Zeitschrift für Handelsrecht*, т. I, стр. 194: Страхованіе жизни есть страхованіе предполагаемой (imaginären) прибыли, ожидаемой отъ всей совокупности хозяйственной жизнедѣятельности (Lebensarbeit).

²⁾ I. Hupka. *Der Begriff des Versicherungsvertrags* (*Zeitschr. für das gesamte Handelsrecht*, т. 66, стр. 551).

рически соображеніями полицейско-правового характера. Страхованіе чужой жизни, не обставленное никакими ограниченіями, могло служить предметомъ азартной, опасной для жизни постороннихъ лицъ игры. Еще ранѣ спекуляціи биржевыми цѣнностями стали спекулировать жизнью папъ, королей, выдающихся полководцевъ, извѣстныхъ революціонеровъ, призывая на ихъ головы смерть. Желая оградить чужія жизни отъ опасностей, которыя могла навлечь на нихъ страховая спекуляція, законодатели по соображеніямъ полицейско-правовымъ, а не потому, что считали страхованіе чужой жизни страхованіемъ убытковъ, выставляли требованіе заинтересованности страхователя въ жизни застрахованнаго лица еще до заключенія имъ страхованія. Если бы законодатели считали моментъ возмѣщенія убытковъ существеннымъ элементомъ страхованія жизни и, въ частности, страхованія чужой жизни, выставляемый ими требованія должны были бы быть совершенно иными. Они должны были бы въ этомъ случаѣ требовать заинтересованности въ жизни застрахованнаго не контрагента — страхователя, а выгодопріобрѣтателя, такъ какъ далеко не всегда страхователь заключаетъ такое страхованіе въ свою пользу. Они должны были бы, далѣе, требовать наличности указаннаго интереса не только и не столько въ моментъ заключенія страхованія, сколько въ моментъ наступленія предусмотрѣннаго страхованіемъ случая, въ то время какъ послѣднее совершенно не требовалось и не требуется (ср., напр., ст. 1083 нашего проекта: Выгодопріобрѣтатель обязанъ, по требованію о томъ страховщика, доказать, что наступило предусмотрѣнное въ договорѣ событіе). Они должны были бы, затѣмъ, требовать наличности именно имущественнаго, а не какого-либо иного

интереса, какъ, напр., того требуетъ совершенно непослѣдовательно и безъ всякой согласованности съ остальными правилами нашъ проектъ (ст. 1078). Они, наконецъ, должны были бы воспретить переступку полисовъ третьимъ лицамъ даже со стороны страхователей, застраховавшихъ собственную жизнь, такъ какъ въ этомъ случаѣ страхование собственной жизни превращалось въ страхование чужой жизни безъ соблюденія требованія о наличности интереса. Всего этого законодатели не дѣлали, такъ какъ ихъ требованіе наличности интереса стояло въ связи, повторяю, не съ тѣмъ или инымъ взглядомъ на конструкцію института страхованія, а съ указанными выше полицейско-правовыми соображеніями. Въ этомъ еще больше насъ убѣждаетъ регулированіе даннаго вопроса новѣйшими законодательствами: германскимъ и швейцарскимъ, а равно и проектами австрійскаго и франц. закона (см. § 159 герм., ст. 74 швейц. закона, § 127 проекта австр. и ст. 48 пр. франц. закона). Эти законодательства при страхованіи чужой жизни на случай смерти отказываются отъ требованія наличности интереса и требуютъ только предварительнаго письменнаго согласія на заключеніе страхованія самого страхуемаго (альтернативно это требованіе содержится и въ нашемъ проектѣ). Но, вѣдь, необходимо согласиться съ тѣмъ, что ни согласіе застрахованнаго не свидѣтельствуетъ о возможности убытковъ для страхователя, ни отказъ въ такомъ согласіи не свидѣтельствуетъ о невозможности причиненія убытковъ страхователю фактомъ смерти застрахованнаго лица. И это требованіе, замѣнившее собою требованіе наличности интереса, также вызвано полицейско-правовыми соображеніями и не находится въ неразрывной связи съ самой сущностью страхованія.

IV.

Но если цѣль возмѣщенія убытковъ нельзя признать существеннымъ элементомъ всякаго страхованія, то намъ необходимо отыскать другія основныя черты этого института, которыя дали бы намъ возможность отличить его отъ другихъ, сходныхъ въ томъ или иномъ отношеніи институтѣхъ. Мы не можемъ согласиться съ взглядомъ Эндемана ¹⁾, раздѣляемымъ и Зибенгааромъ (въ совѣщаніяхъ о дрезденскомъ проектѣ общаго германскаго обязательственнаго права), что всякое страхованіе и даже страхованіе имущества представляетъ собою абстрактное обѣщаніе денегъ, совершенно независимое отъ экономической цѣли обезпеченія. Мы не можемъ согласиться съ новѣйшимъ направлениемъ въ области страхового права, повидимому, усвоеннымъ и новѣйшими законами о страховомъ договорѣ, считающимъ, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ личному страхованію, или, какъ они его называютъ, страхованію суммъ, необходимо отвѣститься отъ всякой матеріальной цѣли обезпеченія, какъ предпосылки самого страхованія. Равнымъ образомъ, не можемъ мы согласиться съ опредѣленіемъ страхованія жизни, даваемымъ нашимъ, внесеннымъ въ государственную думу 14 октября прошлаго года, проектомъ обязательственнаго права, ст. 1070 котораго гласить: «По договору личнаго страхованія страховщикъ за условленное вознагражденіе, періодически или единовременно уплачиваемое (страховую премію), обязуется къ единовременной или періодической уплатѣ опредѣленной суммы въ случаѣ смерти извѣст-

1) См. Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht, т. IX, стр. 552 сл., т. X, стр. 279 сл.

наго лица, достиженія имъ опредѣленнаго возраста, потери имъ здоровья либо способности къ труду или наступленія въ его жизни иного, предусмотрѣннаго въ договорѣ, событія». Не можемъ согласиться потому, что всѣ эти опредѣленія не даютъ намъ критерія для отграниченія договора страхованія отъ цѣлаго ряда другихъ договоровъ и, въ частности, не позволяютъ намъ отличить поощряемаго законодательствами, благотѣльнаго института страхованія отъ такихъ, не пользующихся покровительствомъ закона и вредныхъ институтовъ, какъ игра, пари и лоттерея. И если вообще по отношенію ко всякому законодателю вполне примѣнимо правило: omnis definitio periculosa est (всякое опредѣленіе чревато опасностями), то въ особенности чревато такими опасностями и совершенно несостоятельно, съ теоретической точки зрѣнія, опредѣленіе, даваемое нашимъ проектомъ обязательственнаго права. Оно, съ одной стороны, чрезчуръ широко, такъ какъ подъ него подойдутъ всѣ двустороннія денежныя обязательства, въ которыхъ исполненіе одной стороны обусловлено наступленіемъ извѣстнаго событія въ жизни другого контрагента или отсрочено до наступленія такого событія. Оно, съ другой стороны, чрезчуръ узко, такъ какъ въ немъ говорится только объ исполненіи уплатой опредѣленной суммы и тѣмъ самымъ исключается цѣлый рядъ страхованій, гдѣ исполненіе можетъ послѣдовать либо альтернативно то въ видѣ уплаты опредѣленной суммы, то натурою (какъ при страхованіи, леченія и похоронъ), либо исключительно натурою (какъ, напр., при страхованіи возведенія памятника, сохраненія могилы). Оно, наконецъ, даетъ возможность подводить подъ понятіе страхованія жизни игру и пари, позволяетъ вмѣсто игры на биржѣ играть чужой жизнью, и

200 201

гарантіей отъ этого не можетъ служить даже требованіе согласія застрахованнаго лица, такъ какъ это согласіе можетъ быть куплено игрокомъ, спекулирующимъ на чужую жизнь, что и встрѣчается на практикѣ ¹⁾.

Необходимо, слѣдовательно, найти основныя черты страхованія, свойственныя всѣмъ видамъ страхованія. А что такія черты въ дѣйствительности существуютъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ не только новѣйшіе законы о страховомъ договорѣ, посвящающіе множество параграфовъ и статей общимъ правиламъ страхованія (§§ 1—48 герм. зак., ст. 1—47 швейц. зак., §§ 1—40 австр. пр.). Объ этомъ свидѣтельствуеетъ и нашъ проектъ, содержащій въ себѣ отдѣльныя общія положенія для имущественнаго и для личнаго страхованія, но отсылающій при регулированіи страхованія лица къ соответственнымъ общимъ статьямъ, регулирующимъ имущественное страхованіе (см. ст. 1071 проекта: Къ страхованію лица имѣютъ соответственное примѣненіе правила статей 1019—1025, 1027—1030, 1034, 1035, 1045, 1047, 1048 и 1052 съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ постановленій).

Въ виду признанія невозможности построить общее понятіе страхованія на идеѣ договора о возмѣщеніи убытковъ, за послѣднее время дѣлались попытки конструировать единое понятіе страхованія, исходя изъ другихъ основаній. Попытки эти принадлежатъ перу итальянскихъ профессоровъ: юриста Виванте ¹⁾

¹⁾ О подобныхъ случаяхъ изъ практики сообщаютъ мотивы къ французскому правительственному проекту (стр. 39).

¹⁾ См. цит. соч. и въ „Il contratto di assicurazione“, т. III.

и экономиста Гобби ¹⁾ и австрийского профессора Гупки ²⁾.

V.

Виванте выдѣляетъ въ особенности свойственную институту страхованія функцію распределенія. Осуществленіе этой функціи мыслимо только при занятіи страхованіемъ крупныхъ предпріятій, объединяющихъ значительныя массы однородныхъ рисковъ. Договоръ страхованія можетъ обнаружить всѣ черты такового и приводить ко всѣмъ вытекающимъ изъ такового послѣдствіямъ только въ томъ случаѣ, если онъ заключенъ страховымъ предпріятіемъ, т. е. предпріятіемъ, собирающимъ изъ платежей страхователей фондъ премій, предназначенный составить къ условленному времени застрахованныя суммы. Поэтому первымъ основнымъ элементомъ страхового договора является заключеніе его со страховымъ предпріятіемъ. Если и можетъ встрѣтиться въ наше время такой анахронизмъ, какъ заключеніе отдѣльной страховой сдѣлки ³⁾, то ее нельзя признать страховымъ договоромъ ⁴⁾, такъ какъ изъ нея не могутъ вытекать всѣ юридическія послѣдствія страхового договора (право требовать гарантированнаго сохраненія резерва премій и зад-

¹⁾ Gobbi, L'assicurazione in generale и въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Zeitschr. für Versicherungsrecht und Wissenschaft“, т. II и III.

²⁾ Цит. соч.

³⁾ Встрѣчающейся въ морскомъ страхованіи, а также въ практикѣ англійскаго страхованія огня (см. Chaufon, Les assurances, I, стр. 219).

⁴⁾ Но, конечно, такія сдѣлки, поскольку онѣ не противорѣчатъ закону или добрымъ нравамъ, пользуются юридической защитой.

лежащаго управленія ими, преимущественное право страхователей на фондъ премій, право требовать открытія конкурса надъ страховщикомъ даже до приостановки имъ платежей, право требовать расторженія договора при ликвидаціи дѣль страховщика и т. д.). Всѣ эти юридическія послѣдствія, вытекающія изъ функціи распределенія, свойственной страхованію, совершенно немислимы по отношенію къ единичнымъ сдѣлкамъ и требуютъ непремѣнной наличности множества сдѣлокъ, направленныхъ на однородные риски. Поэтому, въ частности, въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ или соглашеніе возлагаетъ на опредѣленныхъ лицъ обязанность заключить договоръ страхованія, то, не заключая договора съ надлежаще организованнымъ предпріятіемъ, означенныя лица не могутъ считаться исполнившими свою обязанность. Такъ, напр., опекуны, повѣренные и комиссіонеры, застраховавшіе имущество у частнаго лица, отвѣчаютъ передъ своими довѣрителями и подопечными въ случаѣ несостоятельности страховщика, хотя бы въ моментъ заключенія страхованія онъ и былъ вполне платежеспособнымъ (т. е. не только за culpa in eligendo). Точно также и вопросы, касающіеся ошибочныхъ и неточныхъ указаній страхователя или скрытыхъ имъ моментовъ риска и измѣненій риска во время существованія страхованія, должны рѣшаться и въ дѣйствительности рѣшаются также въ связи съ идеей правильнаго распределенія, осуществимаго только въ страховомъ предпріятіи. Постановленія новѣйшихъ законовъ о страхованіи (кроме морского) разсчитаны только на такіе договоры, которые заключаются со страховыми предпріятіями. Нѣкоторые законы прямо ограничиваютъ дѣйствіе свое только по отношенію къ таковымъ предпріятіямъ (ср. ст. 101 швейц. зак., § 158 австр. пр.).

Но противъ взгляда Виванте, что планоуѣрное крупное предпріятіе въ качествѣ страховщика является необходимой предпосылкой понятія страхового договора, взгляда, признаваемого нынѣ очень многими авторами, но подробно развитого и обоснованнаго только Виванте,—проф. Гупка выставляетъ, напр., слѣдующее возраженіе. «Допустимъ, говоритъ онъ, что соединеніе большого числа рисковъ въ одинъ совокупный рискъ и вычисленіе преміи по средней стоимости отдѣльнаго риска является признакомъ страхованія, вполнѣ развитаго съ точки зрѣнія технической и экономической, и, сверхъ того, оказываетъ глубокое вліяніе и на юридическія послѣдствія, вытекающія изъ договоровъ, заключенныхъ на такихъ основаніяхъ; однако, логическимъ элементомъ (Begriffselement) договора страхованія такой фундаментъ не является. Страховые договоры значительно старше планоуѣрныхъ страховыхъ предпріятій¹⁾... и развѣ можно квалифицировать отлично отъ обычнаго страхованія заключенное въ видѣ отдѣльной сдѣлки страхованіе транспорта или выигрышнаго билета отъ тиража?» Но здѣсь проф. Гупка забываетъ собственное мнѣніе о томъ, что факты историческаго прошлаго не могутъ служить правильнымъ критеріемъ для конструкціи явленій современной жизни. Онъ забываетъ, что при заключеніи договора не съ надлежаще организованнымъ страховымъ предпріятіемъ нисколько не гарантировано достиженіе особенно имъ же выдвигаемой, какъ мы увидимъ дальше, цѣли страхованія, а именно состоянія обезпеченности. Вѣдь, если вы заключите договоръ страхованія, хотя бы выигрышнаго билета

¹⁾ Нурка, цит. соч., стр. 553 сл.; ср. также Шершеневичъ, Курсъ торговаго права, т. II, изд. 4, стр. 372.

съ отдѣльнымъ лицомъ или даже съ такой банкирской конторой, какъ недавно найденная случайно полиціей гдѣ то на Обводномъ каналѣ контора Кротова и повара Турчанинова (немедленно же ею и закрытая), то чего же вы этимъ достигнете? Обезпечены вы не будете нисколько. Денжки то съ васъ возьмутъ, а въ случаѣ тиража вы, разумѣется, ничего не получите. Въ то далекое отъ насъ время, когда страховщиками являлись исключительно частныя лица, институтъ страхованія уничтожался въ корнѣ своемъ органическимъ и неизлѣчимымъ порокомъ тогдашней формы страхованія, а именно страхомъ несостоятельности самого страховщика. Банкротства страховщиковъ были явленіемъ повседневымъ. Стоило разразиться урагану, выгорѣть значительной мѣстности, — и разореніе страхователей неминуемо влекло за собою банкротство страховщиковъ; иными словами, функція страхованія — обезпечить отъ несчастнаго случая — оказывалась парализованною какъ разъ тогда, когда въ ней именно больше всего нуждались¹⁾.

1) Въ одной изъ немногочисленныхъ статей нашихъ законовъ, регулирующихъ наше общее страхованіе, съ удивленіемъ читаемъ: „Страхованіе есть договоръ, въ силу коего составленное для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ общество или частное лицо пріемлетъ на свой страхъ и т. д.“ (ст. 2199 зак. гр.). Но мы перестаемъ удивляться, посмотрѣвъ на источники этой статьи. Какой древней старинной вѣсть отъ указа 1781 года! Однако, и наше законодательство, требуя, чтобы строенія, принимаемыя въ залогъ кредитными учрежденіями, были застрахованы, возлагаетъ на залогодателя обязанность представить страховой полисъ (см., напр., ст. 140 разд. XI уст. кред.), т. е. признаетъ страховымъ договоромъ только договоръ, заключенный со страховымъ предпріятіемъ. Кромѣ того, выраженіе

VI.

Слѣдовательно, необходимо признать существеннымъ элементомъ страхового договора заключеніе его съ планомерно организованнымъ крупнымъ предпріятіемъ. Но этого одного существеннаго элемента еще далеко недостаточно для конструкціи единаго понятія страхового договора. Необходимо отмѣтить еще и взимаемую со страхователя премію. Разъ страховое предпріятіе функционируетъ въ роли распредѣлителя, разъ оно распредѣляетъ между отиѣченными перстомъ судьбы подчасъ въ годину тяжкихъ бѣдствій капиталы, собранные въ нормальное время у всѣхъ лицъ, подверженныхъ одному и тому же риску,—то фондъ, необходимый для распредѣленія, долженъ быть собранъ именно у страхователей. Поэтому страхованіе безмездное, страхованіе безъ взиманія преміи со страхователя есть *nonsens*, *contradictio in adjecto*. Существеннымъ элементомъ договора страхованія является, такимъ образомъ, его возмездность. И однимъ этимъ онъ уже отличается отъ безмезднаго поручительства и безмезднаго договора гарантіи. Здѣсь же мы, кстати, отмѣтимъ, что и возмездное поручительство и договоръ гарантіи (отъ убытковъ и неполученія опредѣленной прибыли) отличаются отъ договора страхованія. Возмездный договоръ гарантіи есть не что иное,

„частное лицо“ не должно быть непременно толкуемо въ смыслѣ заключенія этимъ лицомъ единичной сдѣлки. Наоборотъ, изъ сопоставленія этого выраженія съ предшествующими словами („составленное для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ общество“) можно думать, что здѣсь говорится о частномъ лицѣ, профессионально занимающемся предохраненіемъ отъ несчастныхъ случаевъ, т. е. страхованіемъ.

какъ участіе въ самомъ предпріятіи, особый видъ товарищества. Возмездное поручительство отличается, сверхъ того, отъ договора страхованія и, въ частности, отъ кредитнаго страхованія (страхованія отъ неплатежеспособности должника) еще и слѣдующимъ. Въ то время какъ кредитный страховщикъ является лицомъ постороннимъ по отношенію къ «застрахованному» требованію, находясь къ нему въ такомъ же юридическомъ отношеніи, какъ страховщикъ отъ огня къ «застрахованной» вещи, поручительство по существу своему является совокупной отвѣтственностью за исполненіе обязательства, а поручитель вступаетъ въ основное обязательственное отношеніе въ качествѣ содолжника, хотя и привлекаемаго къ отвѣтственности только субсидіарно, но все же содолжника. Вступленіе поручителя влечетъ за собою непосредственное укрѣпленіе самого права требованія и, по весьма остроумному сравненію проф. Гупки, относится къ простому страхованію отъ несостоятельности должника точно такъ же, какъ обезпеченіе дома отъ пожара техническими противопожарными мѣрами относится къ страхованію этого дома отъ огня.

Итакъ, страховой договоръ есть договоръ возмездный. Премія необходимо должна взиматься со страхователя. Но этого мало. Размѣръ этой преміи не долженъ быть произвольнымъ. Правильность и прочность страхованія возможны только тогда, когда страховое дѣло построено на началѣ равенства дѣйствія и обратнаго дѣйствія, равенства получаемыхъ и расходуемыхъ суммъ. Поэтому премія, за вычетомъ необходимыхъ расходовъ и обычной прибыли страхового предпріятія, должна быть пропорціональна вѣроятности наступленія событія, по поводу котораго заключается

страхованіе. Такой размѣръ премій является вторымъ существеннымъ признакомъ страхового договора. Проф. Гунка возражаетъ противъ правильности и этого взгляда, говоря, что въ такомъ случаѣ пришлось бы исключать изъ сферы понятія страхованія и изъ сферы примѣненія страхового права всѣ юныя отрасли страхованія до накопленія статистическаго матеріала, достаточнаго для примѣненія теоріи вѣроятности къ вычисленію надлежащей преміи. Дѣйствительно, до извѣстнаго времени такъ и придется поступать. Не надо забывать, что страхованіе не должно быть игрой не только для страхователя, но и для страховщика. Для того, чтобы страхованіе было поставлено на твердую почву и достигало своей цѣли—обезпеченія, необходимо, чтобы существовала вѣроятность, переходящая въ увѣренность, что всей группѣ страхователей придется выплатить меньше, нежели съ нихъ получено. Страхованіе для страховщика не должно носить элеаторнаго, рискованаго характера. Я говорю о всей совокупности страхованій, хотя бы отдѣльный страховой договоръ и могъ заключать въ себѣ элементъ элеаторности. Страховое предпріятіе должно быть, каковымъ оно и является въ дѣйствительности, предпріятіемъ сугубо осторожнымъ и систематическимъ, въ немъ элементъ спекулятивности долженъ быть меньше, нежели въ любомъ иномъ торговомъ или промышленномъ предпріятіи. Въ противномъ случаѣ недостижима цѣль его—обезпеченіе.

Что же будетъ, если мы станемъ признавать страховыми договорами такіе договоры, относительно которыхъ у страховщика не существуетъ еще никакого опыта, заключая которые онъ буквально совершаетъ скачекъ въ неизвѣстное? Вѣдь уплачивать

по этимъ договорамъ ему придется, главнымъ образомъ, изъ собраннаго со страхователей запаса премій. И если преміи эти не будутъ пропорціональны вѣроятности наступленія событій, отъ которыхъ производится страхованіе, а, скажемъ, значительно ниже, то страховщикъ рано или поздно окажется не въ состояніи уплачивать причитающіяся страхователямъ суммы, онъ окажется несостоятельнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ окажется несостоятельнымъ и наименованіе соответственныхъ договоровъ договорами страхованія, т. е. договорами, безусловно обезпечивающими и гарантирующими.

Поэтому, если въ настоящее время уже можно называть страховыми договорами договоры страхованія автомобилей отъ несчастныхъ случаевъ, то этого никоимъ образомъ нельзя сказать о такъ называемыхъ договорахъ страхованія дирижаблей и аэроплановъ, хотя на эти воздушныя суда въ Германіи, напр., въ 1913 году заключены уже страхованія на 3 милліона марокъ. Еще менѣе заслуживаетъ пока названія страхового договора, т. н. договоръ страхованія гастролей оперной труппы¹⁾. Въ по-

¹⁾ Въ 1913 году оперное товарищество чикагскаго театра, собираясь на гастролы въ восточныя и западныя штаты заключило страхованіе на сумму въ 1,267.000 долларовъ. По полису страховое учрежденіе несетъ матеріальную отвѣтственность за всякій случай, который воспрепятствуетъ осуществленію того или другого изъ предложенныхъ 65 спектаклей, какъ, напр., ошозданіе поѣзда, задержаніе въ карантинѣ, пожаръ, землетрясеніе, забастовки, народныя волненія и эпидемія. Сверхъ того, если Мэри Гарденъ или Тетраччини будутъ убиты или заболѣть иной членъ товарищества, вследствие чего придется отменить спектакль, то за каждый несостоявшійся спектакль дирекція получаетъ по 10.000 долларовъ. Страховая премія по этому договору составляетъ 25.000 долларовъ.

добныхъ договорахъ преобладаетъ элементъ игры со стороны страховщика, и они возвращаютъ насъ къ тому далекому времени, когда страховщику приходилось молить о помощи святыхъ, которымъ посвящался первый пунктъ всякаго полиса, и когда, по выраженію итальянскаго писателя XVII в. Тарги, «страховщикъ долженъ поручить себя милосердію Господа Бога, такъ какъ прибыль его зависитъ отъ случая». А между тѣмъ въ наше время для страховщика не должно быть несчастныхъ случаевъ, или, по крайней мѣрѣ, случаи эти, поскольку дѣло идетъ объ ихъ матеріальныхъ послѣдствіяхъ, не должны ощущаться, какъ таковыя, а должны представляться заурядными и обыденными явленіями.

По обычному празу страховыхъ обществъ, которое можно почерпнуть изъ полисныхъ условій пока, главнымъ образомъ, иностранныхъ обществъ, страхователямъ возвращается излишекъ премій, получившійся въ результатѣ несоотвѣтствія между предполагаемымъ и дѣйствительнымъ рискомъ (Risikogewinn, Sterblichkeitsgewinn) или между предполагаемыми и дѣйствительными расходами (Zuschlagsgewinn). Крімъ того, нѣкоторыя законодательства предписываютъ страховымъ обществамъ опредѣленные тарифы премій. И у насъ съ 1898 г. всѣ общества по страхованію жизни, согласно указанію правительстванаго надзора, обязаны впредь примѣнять при расчетахъ таблицу смертности M I 23 германскихъ обществъ.

VII.

Но найденные нами до сихъ поръ отличительныя черты страхового договора все еще не даютъ намъ возможности отграничить его отъ договоровъ игры, пари и лоттерей. Мы обращали до сихъ поръ вниманіе, главнымъ образомъ, на средства страхо-

ванія. Намъ необходимо подчеркнуть цѣль его. Такою цѣль, свойственную всѣмъ видамъ страхованія и всѣхъ ихъ характеризующую, итальянскій экономистъ Гобби видитъ въ слѣдующемъ. При всякомъ страхованіи, по его мнѣнію, мы имѣемъ дѣло съ обезпеченіемъ отъ опредѣленной случайности, вызывающей въ сферѣ частнаго хозяйства измѣненіе въ невыгодную сторону даннаго отношенія между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію, либо путемъ увеличенія первыхъ, либо же путемъ уменьшенія послѣднихъ. Это несоотвѣтствіе между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію можетъ быть названо *нуждой* въ широкомъ смыслѣ. И задача страхованія—устранить это несоотвѣтствіе, удовлетворить эту *нужду*. Для того, чтобы страхованіе оставалось вѣрнымъ своей цѣли, необходимо принципиально потребовать, чтобы оно не выходило за предѣлы того, что дѣйствительно необходимо для покрытія, для удовлетворенія звантуальной *нужды*. Но это принципиальное требованіе, въ виду субъективнаго характера потребностей, не во всѣхъ видахъ страхованія въ одинаковой степени выполнимо на практикѣ. Этотъ взглядъ Гобби, замѣняющій понятіе *убытковъ* понятіемъ «*нужды*» и нашедшій себѣ откликъ у такихъ нѣмецкихъ писателей, какъ Манесъ ¹⁾, Козакъ ²⁾, Лексисъ ³⁾, знаменуетъ собою значительный шагъ впередъ по сравненію съ теоріей возмѣщенія *убытковъ*. Теорія Гобби примѣнима къ гораздо большому числу отдѣльныхъ видовъ страхованія, нежели теорія возмѣщенія *убытковъ*. Въ самомъ дѣлѣ, ростъ или увеличеніе потребностей, появленіе новыхъ потребностей никакомъ образомъ не подойдетъ подъ понятіе *убытковъ*. А между тѣмъ

¹⁾ Versicherungswesen, стр. 1 сл.

²⁾ Lehrbuch des Handelsrechts, изд. 3, стр. 763.

³⁾ Въ Versicherungsllexikon, стр. 214 сл.

теорія Гобби, теорія удовлетворенія эвентуальной нужды, обнимаютъ всѣ случаи страхованія, направленные на устраненіе каузально опредѣленныхъ экономическихъ невыгодъ, проявляются ли онѣ въ формѣ убытковъ или въ формѣ недостатка, нужды. Но эта теорія, исходящая изъ того основного положенія, что всякое страхованіе есть актъ обезпеченія отъ невыгодныхъ послѣдствій опредѣленнаго событія, непримѣнима къ тѣмъ многочисленнымъ случаямъ страхованія жизни, когда исключается всякая возможность невыгоднаго вліянія на экономическія отношенія выгодопріобрѣтателя того событія, по поводу котораго страхованіе заключено, или когда это событіе влечетъ за собою для управомоченнаго исключительно экономическія выгоды (напр., пріобрѣтеніе богатаго наслѣдства).

VIII.

Исслѣдователи страхового права, изучая цѣль страхованія, обращали до сихъ поръ свое вниманіе не на начальній, а на конечный моментъ страхованія, не на мотивы, которыми руководится страхователь, заключая страховой договоръ, а на послѣдствія того опредѣленнаго событія, того страхового случая, по поводу котораго заключалось страхованіе. Они искали цѣлевого отношенія между страхованіемъ и этими послѣдствіями, считая, что единственная цѣль страхованія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать для страхователя безразличнымъ съ экономической точки зрѣнія опредѣленное событіе. И, не видя такого цѣлевого отношенія во многихъ случаяхъ страхованія, они даже отчаялись найти единое понятіе страхованія. Между тѣмъ, если мы обратимъ вниманіе на цѣли, ради которыхъ заключаются страхованія, то уви-

димъ, что въ основѣ всѣхъ страховыхъ договоровъ лежитъ идея экономическаго обезпеченія индивидуума, страхователя или третьяго лица, отъ перемѣнъ и случайностей темнаго, неизвѣстнаго будущаго. При лихорадочномъ темпѣ нашей жизни, при сложной связи отдѣльныхъ современныхъ хозяйствъ, при массѣ грозящихъ на каждомъ шагѣ неожиданностей, неожиданностей только для отдѣльнаго лица, но въ совокупности своей содержащихъ элементъ законности, — при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, никто не знаетъ, что день грядущій ему готовитъ, никто не вѣдаетъ, что станетъ съ нимъ самимъ, съ его имуществомъ, съ его близкими или лицами, которыми онъ по тѣмъ или инымъ многосложнымъ причинамъ интересуется. Отсюда стремленіе къ общему обезпеченію отъ перемѣнъ неизвѣстнаго будущаго. Не скука и азартъ, какъ при игрѣ, не различіе во мнѣніяхъ, какъ при пари, не любостыжаніе, какъ въ лоттерей, а стремленіе къ общему обезпеченію себя или другихъ руководитъ страхователемъ при заключеніи имъ страхового договора. Эта идея общаго обезпеченія при страхованіи, подробно развитая проф. Гупкою и поддержанная такимъ авторитетнѣйшимъ нѣмецкимъ коммерціалистомъ, какъ Леманъ¹⁾, свойственна всѣмъ страховымъ договорамъ и существенна для всякаго такого договора. Правильный критерій для различенія такихъ договоровъ отъ игры, отъ случаевъ мнимаго страхованія, заключается въ мотивѣ страхователя. Поэтому, если совершенно постороннее лицо застрахуетъ чужую жизнь исключительно въ спекулятивныхъ цѣляхъ, то такой договоръ долженъ быть

¹⁾ K. Lehmann, Lehrbuch des Handelsrechts (1908 г.), стр. 969.

признавъ недѣйствительнымъ, хотя бы страхователю и удалось купить согласіе застрахованнаго лица на заключеніе соотвѣтственнаго договора.

Итакъ, общей цѣлью всякаго страхованія является не обезпеченіе отъ невыгодныхъ послѣдствій опредѣленныхъ событій, а достиженіе общаго обезпеченія отъ возможнаго вреда или недостатка. Эта общая идея обезпеченія проникаетъ собою и въ виды страхованія жизни, и типичное отличіе (*differentia specifica*) послѣднихъ отъ иныхъ видовъ страхованія состоитъ только въ различномъ ограниченіи этой общей обезпечительной цѣли. Разница, слѣдовательно, между этими видами страхованія не качественная, а количественная, не по существу, а лишь по степени проявленія въ нихъ этой общей идеи. При всѣхъ видахъ имущественнаго страхованія и при нѣкоторыхъ видахъ личнаго страхованія (какъ напр., страхованіе отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ, отъ инвалидности и безработицы, страхованіе дѣтъ присяжныхъ засѣдателей, страхованіе поддержания могилъ и постановки памятниковъ), цѣль страхованія специализируется, ограничивается только опредѣленнымъ случаемъ потребности и, по выраженію проф. Гупки, страховой случай (*der Versicherungsfall*), вызывающій обязанность страховщика чинить условленное удовлетвореніе, тождественъ съ цѣлевымъ случаемъ (*Zweckfall*) страхованія. При другихъ видахъ личнаго страхованія цѣль страхованія, по общему правилу, расширяется до идеи общаго обезпеченія отъ неизвѣстнаго будущаго, и страховой случай представляется лишь болѣе или менѣе произвольно установленнымъ срокомъ для уплаты страховой суммы или начала выплаты ренты. При этомъ общее и специализированное страхованіе встрѣчается и въ

одномъ и томъ же отдѣльномъ видѣ страхованія. Таковы, напр., страхованіе похоронъ и приданого, страхованіе отъ военной службы, страхованіе стипендій, при которыхъ страховая сумма уплачивается по договору либо только, когда похороны дѣйствительно должны состояться, либо дѣйствительно принимается на службу, выгодопріобрѣтатель или выгодопріобрѣтательница дѣйствительно обручается или выходитъ замужъ, либо же, во всякомъ случаѣ, съ наступленіемъ смерти застрахованнаго или достиженіемъ выгодопріобрѣтателями извѣстнаго возраста.

Изъ этого различнаго ограниченія цѣли страхованія, изъ раздѣленія страхованій на общее и специализированное, легко объясняются юридическія различія между главнѣйшими видами страхованій въ отношеніи содержанія и дѣйствія договоровъ, соотвѣствующихъ этимъ видамъ страхованій.

Резюмируя сказанное, можно дать слѣдующее опредѣленіе страхового договора:

Страховой договоръ есть договоръ, по коему одна сторона (страхователь) въ цѣляхъ удовлетворенія будущей нужды получаетъ, на случай наступленія извѣстнаго событія или момента времени, за вознагражденіе, исчисляемое соразмѣрно вѣроятности ихъ наступленія, (страховую премію), отъ другой стороны, планомѣрно организованнаго предпріятія (страховщика), обѣщаніе совершить дѣйствіе, исполненіе и объемъ котораго зависитъ отъ не опредѣлившихся обстоятельствъ, касающихся имущества или личности самого страхователя либо третьяго лица.

00003902

ЮФ СПбГУ